

Люблю музыку от сердца и для души

Культура. — 1998. — 12-18 марта. — С. 13

Глядя на Олега Кулько, никогда не догадаешься — кто он по профессии. Несуетный в движениях, высокий, статный, с красивыми цыганскими кудрями, он так не похож на “классического” душку — тенора.

Кулько — один из ведущих солистов Большого театра. В его репертуаре — главные партии в “Трубадуре” Верди и “Орлеанской деве” Чайковского, “Царской невесте” Римского-Корсакова и “Алеко” и “Франческе да Римини” Рахманинова, “Богеме” и “Тоске” Пуччини, “Лючия ди Ламмермур” Доницетти, “Фаусте” Гуно.

Недавно певец выступил в концерте, сопровождавшем церемонию награждения победителей конкурса “Окно в Россию”, проведенного нашей газетой. Потому и беседа наша началась с темы “Русская провинция”.

— Олег, что побудило вас откликнуться на это приглашение? И разве есть для оперной звезды что-то интересное в отдаленных от столиц территориях?

— То, что “Культура” решила поддержать как раз провинцию, — это прекрасно. Я два-три года назад начал гастролировать по России и вижу, что там есть огромный неудовлетворенный спрос на высокое искусство. Но в отличие от эстрадных, хорошие “классические” музыканты там бывают очень редко. И потому их ждут с таким нетерпением (а это для артистов очень важно).

Очень приятной была и сама церемония — камерная, в уютном Белом зале Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Присутствовали влиятельные люди, в том числе из правительства, что вселяет определенные надежды на дальнейшее развитие российской культуры. Выступали прекрасные музыканты — Николай Петров, Маквала Касрашвили, оркестр Светланы Безродной. И, конечно, было очень трогательно, что за наградами выходили директора провинциальных библиотек, музеев, концертных залов — настоящие подвижники отечественной культуры.

— А вам в провинции случалось сделать художественное открытие — потрясающий краеведческий музей, например, или спектакль?

— Конечно, ярких впечатлений было немало. Но в основном по части оперы. Поразил театр в Казани. Как его руководству удается собирать людей из лучших театров — Большого, Мариинского, находить спонсоров и проводить такие масштабные акции, как Шляпинский фестиваль! А в Ярославле на гала-концерте, где я выступал вместе с Ириной Архиповой и Аскаром Абдраззовым, судьба свела с замечательным дирижером Мурадом Аннамамедовым. Или вот недавно в Уфе, на другом Шляпинском фестивале, посчастливилось участвовать в “Богеме”, которую поста-

вил греческий дирижер Стефан Сциалис — очень интересный мастер.

А если говорить о полноценном знакомстве с культурной жизнью того или иного города, то все осложняется тем, что гастроль длится два-три дня. И главное для певца — успеть порепетировать, запомнить мизансцены, приспособиться к дирижеру, солистам. О каких музеях может идти речь! Как говорится, приехал — спел — уехал.

— В этом году у вас первый творческий юбилей — десять лет на сцене Большого театра. И это были очень бурные, сложные годы. Какие кардинальные перемены в жизни вашего театра вы бы отметили?

— Прежде всего введение контрактной системы. Хотя она пока и не работает в той части, которая касается гонораров. Мы получаем, конечно, некоторые суммы, но это... не контракт. Вот когда едешь в любую другую страну, то там — другие деньги, там — контракт. Но хорошо, что он все-таки есть, что возникли более четкие, упорядоченные отношения с администрацией. Теперь мы получаем расписание на полгода вперед и поэтому можем планировать свои отъезды, свою творческую жизнь. А раньше за месяц еще было неизвестно, когда и что поешь.

— А первую свою роль в спектакле Большого помните?

— Конечно! Это был Яромир в опере-балете Римского-Корсакова “Млада” — очень ярком, зрелищном спектакле, поставленном Покровским. Кстати, мне очень жаль, что он сейчас снят с репертуара. Вообще причины исчезновения таких интересных спектаклей из афиши мне непонятны. То же самое произошло с “Орлеанской девой” — только сейчас, перед показом оперы в Питере, ее решили дать несколько раз, чтобы как-то вспомнить. А ведь эти гениальные работы Покровского никто, кроме нашей труппы, не поднимет (в отличие от “Травиаты”, которую поют везде). Скажу больше — когда я про-

Фото А. ШПИГЕНА

сматривал клавиры этих опер, то вообще не представлял, как можно поставить такие запрелюбленные, масштабные творения. Или возьмем “Лючию ди Ламмермур” — красивейшая музыка, которую очень любят слушатели, — тоже пропала. А “Фауст”, “Трубадур”, которые остаются в репертуаре чисто формально, поскольку идут раз-два за сезон!

— Когда певцам приходится много раз петь одну и ту же партию, у них нередко происходит естественное притупление чувств, вырабатываются определенные музыкальные, актерские штампы. Как вы боретесь с таким “тиражированием” эмоций, “застоем крови”?

— В Большом такой проблемы нет как раз из-за особенностей репертуарной политики. “Моя” “Тоска”, например, идет за год всего три раза. И все, что было когда-то сделано, благополучно забывается. Так что привыкание к роли нам не грозит. Скорее, наоборот, перед выступлением надо что-то вспомнить. Со мной на “Тоске” и “Трубадуре” работает режиссер Алексей Масленников. И если у меня возникают какие-то проблемы, мы просто заново проходим материал.

— У нынешнего поколения вокалистов благодаря видеокассетам и CD появилась прекрасная возможность знакомиться с творчеством других музыкантов. Не страшно ли приобрести с помощью этого “обучения” чужой “взгляд”, манеру, пусть даже и самую яркую?

— Я всегда слушал разных певцов. Потому что вижу, как поют русскую музыку, не слушая наших исполнителей, западные артисты, — часто это нечто невообразимое. Подозреваю, что и мы так же — не зная традиции — поем итальянские, французские, немецкие сочинения. Ведь есть много вещей, которые можно узнать только от носителя языка, конкретной вокальной школы, стиля. Так что учиться надо обязательно. Нельзя только замыкаться на одном исполнителе. Нужно слушать очень многих и

анализировать, что сходно, в чем отличие, что есть традиция, а что — просто личный вкус.

— А чем отличается молодое поколение певцов “здесь” и “там”?

— У русских певцов всегда есть голоса. Это наш плюс. А минус в том, что мы живем не так свободно. Имею в виду проблемы с визами, другие барьеры. И, конечно, с деньгами. Ведь прослушивания в европейские театры проходят обычно “за свой счет” и обходятся в тысячу долларов. Для молодого певца это очень значительная сумма. А результат (будет контракт или нет) непредсказуем. Но в смысле природных, вокальных данных мы, безусловно, впереди. На Западе наряду с великолепными солистами, которые поют на самых престижных сценах, в театрах менее крупных есть много просто “неликвидных” по нашим меркам голосов.

— У оперы длинная история — 400 лет. Но любовью меломанов пользуется совершенно определенный — 150-летний — временной отрезок: от Моцарта до Пуччини. Есть, на ваш взгляд, тому объективные причины?

— Безусловно. В музыке ситуация такая же, как в живописи, других видах искусства. Люди любят что-то красивое и гармоничное. Я, например, сколько ни смотрю, не понимаю изысков художников-модернистов, авангардистов — тот же “Черный квадрат” Малевича. Мне нравятся красивые формы, красивые краски — то, что естественно и реально. Думаю, и Верди, и Пуччини, и русские классики творили “от сердца”, а современные авторы — “от головы”. Видимо, автоматизация, механизация, которую несет цивилизация, дает развитие “разуму”, а не “чувству”. И это очень ощущается в современной музыке, в той какофонии звуков, которую она часто из себя представляет. Я получаю от нее не удовольствие, а головную боль и раздражение. И хотя у нее есть поклонники во всем мире, не думаю, что она — шаг вперед. Это шаг к “математике”. Музыка же все-таки должна быть предназначена для души.

— А каково ее исполнять — все эти постоянные скачки, сложнейшие ритмы!

— Да, это проблема. И, кстати, не всегда даже классики думали о вокалистах. Вот “Франческа” — мелодичнейшая, гениальная музыка, а для пения невероятно сложная. Как с этим будут справляться певцы, Рахманинова, похоже, не волновало. А вот Верди всегда думал и о том, как будет петься его музыка.

— Может быть, потому, что “под рукой” всегда был великолепный консультант — его жена, певица Джузеппина

Стрепони?

— Может быть... Тесное профессиональное общение действительно дает много. Когда на сцене Образцова, а за пультом Жюрайтис, то возникает ощущение, что дирижер просто живет на сцене, рядом с певицей.

— За десять лет сценической деятельности с вами, наверное, случались какие-то необычные происшествия, казусы...

— Мой дебют в “Алеко” в оперной студии был довольно комичным. В одной из сцен я — Молодой цыган — должен был выйти на авансцену, шестым чувством ощутить приближение Земфиры, радостно повернуться к ней навстречу и увлечь за кулисы. Я занял нужную позицию, сделал умное (как я думал) лицо, обернулся, но вожделенной возлюбленной не увидел. Я поширил глазами, еще раз оглянулся (причем всем телом, поскольку голова от волнения просто приросла к корпусу). Потом решил перенести поиски на середину сцены и “нарезал” несколько кругов бодрым шагом. Но Земфиру так и не обнаружил. А время поджимало, так как мне еще было нужно довольно далеко убежать за кулисы, чтобы спеть оттуда знаменитый романс. И я ушел. Но едва скрылся за занавесом, как с другой стороны высочила запыхавшаяся героиня. Я дернулся назад, на сцену, а она, коварная, решив, что я уже убежал, повернулась и тоже ушла. Но ей сказали, что я все-таки появился... Так мы и прыгали из противоположных кулис.

— Олег, вы пели на многих сценах, больших и маленьких. А какие особенно запомнились — акустикой, интерьером, “духом”?

— Интересных площадок было много, и все разные. В Греции пел в старинном амфитеатре в Пиреях — такой зал на открытом воздухе очень впечатляет. А небольшая церковь в Осташкове на Селигере запомнилась прекрасной акустикой. Очень хорошо звучит голос в Германии — громадном берлинском Шау Шпиль Хаус, в лейпцигском Гевандхаус. А самый красивый зал, пожалуй, Концертгебау в Амстердаме — солидный, старинный, обшитый темным, почти черным деревом.

— И в конце разговора неизбежный, но главный для любого художника вопрос о творческих планах.

— В этом году у меня несколько “личных” премьер — партий, которые раньше никогда не пел. В Большом театре — концертное исполнение “Нормы”. А вне его, в Канаде, — “Аида” и “Кармен”.

Беседу вел
Инна ФОМИНА